

От редакции

В статье М.С. Константинова удачно схвачена мысль о трёх «китах», на идейном наследии которых базируется политическая концептология: М. Вебере, Х. Арендт и М.К. Петрове. В связи с этим в редакции принято решение один из следующих номеров посвятить творчеству перечисленных мыслителей. Приглашаем читателей и авторов к участию в обсуждении на страницах журнала «Политическая концептология».

КОНЦЕПТ, ЛОГОС И (НЕ)МНОГО ПОЛИТИКИ

Статья первая

М.С. Константинов

Южный федеральный университет

Аннотация: *В статье предлагается оригинальная трактовка политической концептологии. Вспоминая ключевые события своих взаимоотношений с В.П. Макаренко, автор анализирует их с позиций социологии познания и на этой методологической основе формулирует собственную гипотезу предметной специфики политической концептологии.*

Ключевые слова: *концепт, политическая концептология, политическая онтология, биографический контекст теории, наука как призвание.*

Вступление. *Излишне лиричное и сентиментальное, но с учётом 70-летнего юбилея главного героя¹, вполне уместное*

Наверное, у каждого автора есть темы, на которые ему писать особенно трудно. Для меня такой темой всегда было творчество В.П. Макаренко. И не столько потому, что работы Виктора Павловича трудны для понимания и интерпретации — это миф, который я слышу от коллег, аспирантов и студентов уже полтора десятка лет моего сотрудничества с В.П. Макаренко. И тем более не потому, что у меня никогда не возникало желания публично отреагировать на те концептуальные положения, которые Виктор Павлович методично развивает на протяжении последних 15–20 лет. Эта тема для меня всегда была трудна потому, что, развивая её, мне очень трудно личное отделить от публичного, поэтому следовать принципам научной объективности в данной теме для меня невозможно. Есть вещи, о которых Л. Витгенштейн советовал молчать. Однако, подобная установка однажды уже сыграла со мной злую шутку. В 2006 году Некоммерческий научный фонд «Институт развития им. Г.П. Щедровиц-

¹ В апреле 2014 года совпали сразу два юбилея: 1 апреля исполнилось 70 лет главному редактору журнала «Политическая концептология...» Виктору Павловичу Макаренко, а 5 апреля мы отметили 5-летний юбилей нашего журнала.

кого» объявил грантовый конкурс, целью которого была заявлена поддержка молодых учёных и формирование нового поколения исследователей в методологическом движении. Об этом конкурсе я узнал от В.П. Макаренко, который позвонил мне и буквально потребовал, чтобы я подал заявку. Послушавшись, я подал заявку и, неожиданно для себя, узнал, что мой проект был поддержан. Тема была весьма амбициозной: эксплицировать и проанализировать политико-философские концепции М.К. Петрова и Г.П. Щедровицкого. И при этом выявить их биографические контексты. Сперва работа проходила с большим увлечением, но позже я осознал, насколько самонадеянной была моя заявка: ни разу не встречавшись с М.К. Петровым и Г.П. Щедровицким², я был вынужден полагаться на свидетельства людей, лично их знавших и тесно с ними общавшихся — членов семьи, друзей, близких учеников. Но эти свидетельства существенно противоречили друг другу, и целостной картины личностей двух выдающихся отечественных философов не получалось. В итоге книга была всё-таки написана, но заканчивалась несколько парадоксальным выводом: «...В конце данного исследования приходится ставить многоточие, подчёркивая его незавершённость. Мы уже никогда не узнаем или, по крайней мере, никогда не сможем понять, какими *на самом деле* были М.К. Петров и Г.П. Щедровицкий, но мы можем и должны знать, какими они остались *для нас*... В этом плане автору остаётся надеяться лишь на то, что настоящее исследование только началось...». Понятно, что незавершённые исследования публиковать нельзя, поэтому книга осталась в столе, до лучших времён. Данной статьёй я пытаюсь в некотором роде компенсировать то, что не получилось семь лет назад. Учитывая то, что я не первый год достаточно близко знаю В.П. Макаренко, а также то, что в 2014 году был его юбилей, я считаю, что имею моральное право на некоторые *субъективные* выводы о том, как теоретические аспекты политической концептологии связаны с личностными качествами и биографией, а также некоторыми фундаментальными политико-философскими установками её автора.

Конечно, интеллектуальная честность требует сразу же оговориться, что данная статья написана в совершенно несвойственном мне стиле, сочетающем лирику и сантименты с научным и философским анализом, и считать её научной статьёй нельзя. Это скорее попытка испытать метод политической концептологии, насколько я его смог понять, в действии. Пару слов о методе данной статьи. Он весьма специфичен и далёк от строго научного знания. В моём понимании творчества В.П. Макаренко сыграли свою роль множество мелких нюансов, которые невозможно свести к рациональной аргументации, изложенной в его опубликованных работах. К сожалению, я не могу злоупотреблять объёмом журнала и описать все эти нюансы. К ним относится и то, как В.П. водит автомобиль, казалось бы полностью погружаясь в разговор (настолько, что однажды мы, заболтавшись, попали в весьма курьёзную аварию; хорошо, что всё закончилось без особых потерь и финансовых расходов), но при этом неожиданно обращая моё внимание на какую-то мелкую деталь на дороге, вроде вывески на магазине или рекламного щита. Или то, с каким упорством В.П. старается освоить все технические новинки — от ebook reader'a, до смартфона, — в то время как многие его ровесники даже в компьютере видят лишь аналог печатной машинки. Какая-то неутомимость есть во всём, что он делает, но в рамках статьи невозможно описать каждую мелочь.

Однако есть некоторые моменты, о которых нельзя не сказать, поскольку они, на мой взгляд, имеют важное для интерпретации творчества В.П. Макаренко значение. Например, где бы ни локализовался наш маленький, но весьма сплочённый научный коллектив, — на факультетской кафедре политической теории, в институтском Центре политической концептологии и т. д., — всегда первым делом В.П. вешает на стену три портрета в одной и той же последовательности (слева направо): Макс Вебер, Ханна Арендт и Михаил Константинович

² Задача осложнялась ещё и тем, что если после Г.П. Щедровицкого остались его личные воспоминания (см., например: «Я всегда был идеалистом»), то воспоминания М.К. Петрова либо отсутствуют вообще, либо до сих пор не опубликованы. Определённое биографическое значение имеет повесть «Экзамен не состоялся», ранее опубликованная в данном журнале, однако, это всё-таки художественная работа, а не личные воспоминания.

Петров. Как я попытаюсь показать ниже, наследие всех трёх авторов оказало основополагающее влияние на ключевые положения политической концептологии.

* * *

«Почему Рассел, почему не Витгенштейн?» — с этого моего вопроса Виктору Павловичу началось наше с ним сотрудничество. Это был самый конец 90-х годов, В.П. Макаренко только что вернулся из Польши, где он был приглашённым профессором, и читал нам лекции по политической философии. Курс был организован весьма специфично: вместо традиционного для преподавания подхода, когда сперва даётся характеристика изучаемой дисциплины, описываются её предметное поле, специфика методологии, история дисциплины и, наконец, основные проблемные узлы, В.П. на первой же лекции заявил, что он не станет нам рассказывать о политической философии, но покажет, *как* работает политический философ. И весь цикл лекций он говорил о тех проблемах, которые ему интересны. Именно тогда я впервые услышал о политической концептологии. В память врезались также лекции об Аласдере Макинтайре³, о Джоне Ролзе и Исайте Берлине. После каждой лекции у меня оставался краткий конспект, список литературы и целый ряд вопросов. «Ну, вот ты и напиши», — ответил на мой вопрос о Расселе и Витгенштейне В.П. Макаренко. Это был первый научный (или жизненный?) принцип, который я усвоил от своего будущего учителя. О каких бы научных и философских проблемах ни заходил разговор с В.П., он всегда сводился к одному резюме: «Тащи текст». В том смысле, что говорить-то можно о чём угодно, но серьёзно обсуждать можно только написанный текст.

Буквально воспламенённый идеями, которые артикулировал в своих лекциях В.П. Макаренко, я стал искать возможности прикрепиться к нему для написания курсовых и дипломной работ. Однако на кафедре и в деканате мне сказали, что профессор Макаренко находится в постоянных разъездах, глубоко погружён в науку и потому не горит желанием «нянчиться» со студентами⁴. Поэтому если я хочу с ним работать, мне придётся самому уговаривать Виктора Павловича взять надо мной научное руководство. В моём студенческом воображении над головой корифея разве что нимб академической святости не переливался всеми красками философской мудрости, распространяя учёную благодать на всех причастных, поэтому когда я подошёл к В.П. «проситься под научное руководство», подозреваю, что в моём голосе звучали нотки отчаяния от предполагаемого отказа. Однако всё оказалось гораздо проще. В.П. предупредил, что мне придётся практически всё делать самому, и торжественно подарил⁵ мне свою книгу «Русская власть...» со словами: «Вот, прочитай эту книгу, а на следующей сессии посмотрим». Впоследствии я генерализировал для себя ещё одну максиму: В.П. терпеть не может «досужих» разговоров «за жизнь» или о карьерных перспективах⁶. Значимо только предметное обсуждение конкретных научных проблем. Желание «прильнуть душой к мэтру»

³ Узнав о том, что меня заинтересовал А. Макинтайр, В.П. тут же мне подарил свою книгу о мамелюках с замечательной подписью: «Михаилу Константинову впрок». А немногим позже вышел перевод работы А. Макинтайра «После добродетели», в которую я вчитывался, как в библию. Интерес к коммунитаризму я сохраняю до сих пор.

⁴ Интересно, что уже через пару лет В.П., видимо, осознав, что понятие научной школы (создание которой, как я полагаю, он к этому времени уже видел своей амбициозной целью) включает в себя не только чисто научную работу, но и трансляцию традиций научной школы новым поколениям исследователей, сам стал более активен в привлечении студентов к научному сотрудничеству.

⁵ Кстати, я не припомню, чтобы В.П. Макаренко когда-либо продавал свои книги студентам или аспирантам — практика, существующая в университетской среде и имеющая целью «отбить» затраты на публикацию. Дарить — дарил постоянно, по крайней мере, мне он дарил каждую вышедшую новую его книгу.

⁶ Забавно, но за шесть лет, которые я проработал на кафедре под руководством В.П., ни мне, ни заведующему кафедрой В.П. Макаренко ни разу не пришлось в голову поставить вопрос о моём доцентстве. Когда выяснилось, что я до сих пор не имею учёного звания, В.П. с удивлением спросил: «А ты что, до сих пор не доцент?». И тут же об этом снова забыл.

было настолько сильным, что я за четыре семестровых месяца разве что не выучил «Русскую власть...» наизусть. Надо сказать, что В.П. сдержал обещание, а первая моя курсовая, написанная под его руководством, была посвящена теории речевых актов. Затем было увлечение — с подачи всё того же В.П. — творчеством Михаила Константиновича Петрова, о котором я написал диплом и защитил диссертацию.

Сегодня, более десяти лет проработав в университете, я уже понимаю, насколько наивным было моё отношение к выбору научного руководителя (как правило, студенты гораздо более прагматичны в решении этого вопроса), имевшее под собой весьма романтические, книжные представления о науке и академической среде. Последующее чтение книг по истории и социологии науки существенно скорректировало мой наивный романтизм. Однако, главное — активно подогреваемая В.П. Макаренко вера в «настоящую науку», «стоящее дело» и «натуральных мужиков», к которым он относит людей, полностью посвятивших свою жизнь науке, — осталось неизменным. Перефразируя Владимира Высоцкого, на благодатную почву наивного сознания «книжного ребёнка» (к тому времени — двадцатисемилетнего студента) легли семена не менее детской уверенности пятидесятилетнего профессора в том, что наука — это не вид деятельности, и даже не труд. Это *образ жизни*. Когда «всё остальное» в твоей жизни подчинено главному — идее, которую ты в себе вынашиваешь. Когда «сидишь до геморроя по восемнадцать часов за пишущей машинкой». Когда в сорокапятиградусную летнюю жару в отсутствие кондиционера усаживаешься с книгой в таз с водой и продолжаешь работать. Эти и другие «факты» биографии В.П. Макаренко оказали на моё жизненное (и научное?) мировоззрение влияние, не меньшее, чем чтение его трудов. Конечно, из социологии науки мне уже было известно, что с именами многих мэтров связана богатейшая мифология, которую распространяют их ученики, а нередко и сами герои этих мифов; что эти мифы часто весьма далеки от фактов реальных биографий, но мне как-то не приходило в голову ставить их под сомнение. Сегодня я начинаю понимать, что вопрос «каков учитель есть *на самом деле*» далеко не всегда релевантен в контексте отношений наставничества. Нередко гораздо более значим ответ, каким он стал *для нас*.

Кстати, — опять на основе собственного опыта, — могу предположить, что подобное «влюблённое» отношение ученика(-ов) к учителю доставляет последнему не только удовольствие от признания заслуг, но и налагает серьёзное бремя ответственности. Всё-таки, не зря возникла и развивается антропология академической жизни; что-то есть в науке от тех сюжетов, которые описаны ещё в «Золотой ветви» Джеймса Фрэзера⁷. Поскольку стоит мэтру после целого ряда вышедших значительных работ позволить себе небольшую передышку, написать вместо научно-аналитических несколько сентиментально-биографических статей, и вот уже в голове ученика(-ов) начинается брожение, рождаются мысли о том, что мэтр устал, исписался, перестал «держат марку». Затем эти мысли вербализуются в кулуарных разговорах, потом нотки сожаления проскальзывают в публикациях и, наконец, рано или поздно выносятся диагноз: «Мэтр больше не учёный. Он не исследует. Он вспоминает о своих исследованиях». Наверное, через подобные кризисы проходят все ученики, сильно привязанные к своим наставникам. Проходят только для того, чтобы через некоторое время, занимаясь оче-

⁷ В связи с этим вспоминается забавный эпизод, описанный одним из учеников Г.П. Щедровицкого: «Дело было на открытом семинаре в Губкинском институте. Георгий Петрович делал доклад, а потом, во время дискуссии, один молодой человек стал с ним о чем-то спорить, прямо бодаться. Например, он попытался поймать Георгия Петровича якобы в дилемму „основного вопроса философии“, — „Позвольте! — восклицал он. — Тогда ответьте, что для вас первично?“ Щедровицкий устало на него посмотрел: „Вас интересует, когда я родился? Я могу назвать место и приблизительное время“. И тому подобное. После доклада мы вместе выходили из аудитории. Я начал какой-то вопрос: „Георгий Петрович, а вот...“ Он меня прервал словами: „Толя, пойдёмте сходим в туалет“. Ну, разумеется, пошли. Вид у него был малость замученный. Я ему сказал: „Георгий Петрович, чего вы так реагировали, ну какой-то там юноша, ну пошумел“. А мы стоим у соответствующих снарядов, и тут он отвлёкся от естественного процесса, повернулся ко мне и очень выразительно произнёс: „Понимаете, Толя, надо же всё время держать марку!“» [Пинский 1997].

редной темой, с удивлением выяснить, что те результаты и выводы, которые мэтром были получены ещё двадцать-тридцать лет назад, сегодня объявляются новинкой и становятся интеллектуальной модой. Сталкивался с подобным и я — занимаясь проблемами легитимности, идентичности, власти и институтов в России и, конечно же, вечной темой бюрократии.

Ещё одна характерная история. 2004-й год. Донецкий национальный технический университет (Украина), куда нас — Виктора Николаевича Дубровина, Романа Юрьевича Тищенко, Александра Николаевича Ерыгина, Виктора Павловича Макаренко и меня — пригласили для выступления с докладами о творческом наследии Михаила Константиновича Петрова. После выступления, в гостинице А.Н. Ерыгин спросил меня: «Ну, что, с Макаренко скучать не приходится?». «Ещё бы! — ответил я, — Генератор идей и провокатор мысли!»⁸. Пожалуй, это был первый раз, когда я на вполне рациональном уровне осознал и выразил ставшую для меня к тому времени эмоционально очевидной мысль: В.П. Макаренко давно уже перестал быть, да, собственно, никогда и не был для меня научным руководителем. Наши отношения (по крайней мере, с моей стороны) нельзя характеризовать стандартной для современного образовательного процесса в высшей школе формулой «научный руководитель – студент». Это скорее средневековые отношения наставничества, чем современные отношения руководства научной работой. Сильно подозреваю, что В.П. вообще не умеет быть научным руководителем. Его отношение к ученикам всегда слишком личное, поэтому, когда они его подводят⁹, он воспринимает этот факт как личную трагедию, как предательство. С другой стороны, он всегда принимает самое активное участие в судьбе и в жизни ученика — вплоть до того, что, когда я переезжал на новую квартиру, В.П. достал из кармана весьма приличную сумму и отдал мне её «на переезд»¹⁰.

Кстати сказать, сам В.П. неоднократно весьма критично отзывался и о формалистике современного университетского образования, и о «диссертационной машине», готовящей кадры для нынешней науки. Его собственное отношение к науке, образованию и подготовке учёного-исследователя (а не «научного кадра»¹¹) невозможно свести к трудовому договору и контракту, каким бы «эффективным» этот контракт ни обзывался изощрённым чиновничьим умом и восторженным административным «дискурсом». Лучше всего это отношение характеризуется веберовским термином «страсть». В.П. даже лекции всегда читал, заламывая и выкручивая свои пальцы на руках, так, что моя сокурсница однажды заметила: «Эти движения гипнотизируют меня и наводят ужас; я не столько лекцию слушаю, сколько с внутренним содроганием наблюдаю за процессом этого самоистязания»¹². Студенты старшего поколения рассказывали, что В.П. мог прочитать двухчасовую лекцию, а в последние десять минут заявить, что всё, что он сказал, было неправильно, и заставить студентов перечеркнуть весь

⁸ Перенесение принципов общения с В.П. в мою собственную педагогическую практику нашло выражение в методе, который я назвал «интеллектуальной провокацией», и открытие которого по наивности молодого преподавателя приписал самому себе. Немногим позднее с большим разочарованием и даже некоторой обидой на коллег в педагогике я узнал, что за «моим» методом стоит длительная педагогическая традиция, особенно ярко проявившаяся в семинарских практиках школы Г.П. Щедровицкого. Собственно, и сам Георгий Петрович был блестящим интеллектуальным провокатором, который сумел не только практически реализовать этот метод в работе семинаров, но и формализовать его в теории, на базе которой возникло и до сих пор активно работает методологическое движение в нашей стране. Однако самолюбие не всегда желает мириться с фактами, поэтому я до сих пор считаю, что этот метод был усвоен мной на основе опыта общения с В.П. Макаренко, а затем страдан в собственной педагогической практике.

⁹ Учитывая, что В.П. очень плохо разбирается в людях, подводит его постоянно. Я как-то задумался над тем, что было бы, если бы В.П. стал HR-менеджером какой-нибудь успешной корпорации. Я почти уверен, что кадровая политика В.П. привела бы эту корпорацию к банкротству.

¹⁰ Надеюсь, я не раскрыл никаких секретов.

¹¹ Наверное, именно по этой причине В.П. подхватил и часто использовал блестящую метафору Михаила Константиновича Петрова: «научное поголовье».

¹² Естественно, я несколько обогатил студенческое высказывание, поскольку воспроизвести его буквально в приличном журнале нельзя.

конспект лекции. Но лучше всего эта страсть проявляется не в лекциях, которые, как я подозреваю, В.П. считает скучным занятием и не особенно любит, а в семинарах. Сколько я помню своё общение с В.П., это был бесконечный семинар, который мог начаться на факультете, продолжиться в автомобиле, затем по телефону, потом на следующей неделе и... не закончиться никогда. Поэтому и многие мои статьи, даже если я не ссылаюсь на работы В.П., написаны под сильным влиянием общения с ним, чтения его работ и вопросов, вопросов, вопросов.

На какие-то вопросы, которые я задавал В.П. Макаренко, я уже получил ответы (иногда удовлетворявшие меня, иногда — нет), на какие-то — в точном соответствии с исходной установкой «вот ты и напиши» — попытался ответить сам. Конечно, список этих вопросов далеко не исчерпан, поскольку они, в основном, возникают в личном общении и при чтении его трудов, а Виктор Павлович, несмотря на 70-летний возраст, остаётся весьма «писучим» (по характеристике одного уважаемого мной профессора), поэтому пространство дискуссий, обсуждений и вопросов со временем только увеличивается по мере увеличения пространства написанных В.П. Макаренко текстов. Но есть несколько принципиальных вопросов, имеющих отношение как ко всему тому, что написано В.П. за последние 20–25 лет, так и к тематике данного журнала: насколько применима методология аналитической философии к исследованию проблематики политической концептологии и почему концептология в версии В.П. Макаренко имеет предикат «политическая»? Попробуем реализовать установку «напиши сам» применительно и к данному случаю.

Вопрос о методе.

Научный статус политической концептологии

Вопрос о методе политической концептологии волновал меня ещё с первых докладов В.П. на эту тему, то есть примерно с начала 2000-х годов. И относительно недавно этот интерес трансформировался в вопрос, заданный мной на одном из семинаров в Центре политической концептологии, когда В.П. в своём докладе заговорил о творчестве московских концептуалистов: является ли политическая концептология научным направлением, философским или это искусство, художественное творчество? В данный момент я склоняюсь к тому, что политическая концептология — не наука. Те версии концептологии, которые развивают лингвисты и лингвокультурологи, можно, с некоторыми оговорками и поправками на специфику социогуманитарного знания, назвать научными. Поскольку авторы этих версий концептологии более или менее пытаются решать проблему общезначимости получаемого знания (если воспользоваться терминологией неокантианцев, и Г. Риккерта, в частности). Если вернуться к старому неокантианскому спору, то методология политико-концептологической работы гораздо ближе к дильтеевской эмпатии, чем к строго научным методологическим процедурам, ориентированным на воспроизводимость результата. Именно этим объясняется внимание В.П. Макаренко к биографии и опыту собственных переживаний, а также его страсть к чтению дневников других свидетелей прошлого. И похоже, что я ошибался, когда после ознакомления с «биографическим циклом» статей В.П. [См., например: Макаренко 2012.] сделал поспешный вывод о том, что он исписался и вместо научных работ занялся воспоминаниями. Похоже, что дело обстоит прямо противоположным образом: именно в этих работах В.П. Макаренко нашупал, наконец, то, что от него требовали его ученики, включая меня, а именно описать методологию политико-концептологической работы. В этих статьях зафиксирована попытка сквозь призму наблюдений над собственным внутренним миром понять способы осмысления актуальной проблематики другими людьми и через это понимание объяснить их поведение. А роль дильтеевских объективированных продуктов духа выполняют концепты как нерасчленённая целостность рационально-эмоционального осмысления мира.

Думаю, В.П. со временем осознал, что первоначальный его выбор в пользу аналитического метода, в его строго научном понимании, совершенно не подходит для изучения концептов. Ключевое в концепте — это его нерасчленимая целостность, именно это делает его «квантом смысла», рационально-эмоциональным способом постижения мира [Неретина, Огурцов 2009: 20]. Расчленив бабочку на части, можно изучить и на рациональном уровне осмыслить причинно-следственные связи, которые позволяют ей летать. Можно даже объяснить, почему бабочка вызывает восхищение у многих людей, проанализировав специфику их психологических процессов. Но ни заставить бабочку вновь полететь, ни дарить удивление и радость людям, после процедуры анализа уже нельзя. По этой аналогии, проанализировать концепт означает разрушить его. После процедуры анализа концепт утрачивает свою главную функцию — «зачинать новое движение в усилиях человека по рационально-эмоциональному постижению мира» [Неретина, Огурцов 2009: 20], то есть концепт утрачивает собственно *политический* потенциал, о котором мы поразмыслим ниже. Отсюда и студенческий вопрос: «Почему Рассел, почему не Витгенштейн?». Ведь известное заявление Л. Витгенштейна о том, что Б. Рассел «ничего не понял» в его «Трактате...», было обусловлено не только пресловутым вздорным характером «божественного Людвига». В этом утверждении была своя доля истины, впоследствии более глубоко осмысленная и развитая в «Философских исследованиях». Возмущение Витгенштейна по поводу попыток свести его позицию к концепции атомарных фактов вполне понятно: как показал в цикле своих работ о Витгенштейне В.П. Руднев, подобная трактовка и в самом деле весьма поверхностна. Если судить по дневникам, уже в «Трактате...» Витгенштейна гораздо больше интересует невыразимое, мистическое — этика. Если в основу политической концептологии будет положен строго аналитический метод, то об этической и тесно связанной с ней политической проблематике политическая (!) концептология будет вынуждена последовать рекомендации Л. Витгенштейна, то есть, молчать.

Есть ещё одна проблема в применении научной методологии вообще, и аналитической, в частности, в исследовании концептов. Суть этой проблемы в том, что концепты не укладываются в застывшую систему с жёстко зафиксированной структурой, они подвижны и исторически изменчивы¹³. Здесь ход мысли В.П. Макаренко напоминает попытку М. Вебера внести историческую динамику в риккертское понятие отнесения к ценности как способа объяснить человеческое поведение. Однако не всё так просто. Цель концептологических исследований В.П. Макаренко не ограничивается созданием некоей теоретической конструкции (идеального типа) «интереса эпохи», через которую можно было бы объяснять человеческое поведение. Такой ход мысли всё ещё соответствует критерию общезначимости в социальных науках. Напротив, по большей части, для «концептологических» статей В.П. Макаренко характерны описание и оценка, а не выстраивание теоретических схем. Несмотря на постулирование необходимости дистанцирования как методологической процедуры¹⁴, критический, а нередко и субъективный, «анализ» значимых концептов с позиций политической концептологии предполагает их оценивание в исторической перспективе некоей общности, с которой со-

¹³ В этом контексте понятна сдержанная ирония С.С. Неретиной и А.П. Огурцова по поводу настойчивых попыток лингвокультурологов создать классификацию и словари концептов [Неретина, Огурцов 2009: 19].

¹⁴ Очень хотелось написать, что в более ранних работах В.П. речь идёт о характерном для политической концептологии методологическом принципе дистанцирования исследователя «от реальных политических процессов, систем, конъюнктуры и всего корпуса социогуманитарных и политологических знаний» [см., например: Макаренко 2002: 6], но позднее принцип дистанции из методологического превратился в политический принцип («ницшеанский») «дистанцирования от любой власти любого государства» [Макаренко 2005: 165], а затем и вообще исчез за ненадобностью. Однако В.П. с поразительным упорством воспроизводит этот принцип до сих пор [Макаренко 2013: 12 и сл.]. Мне этот принцип всегда казался не только пятым колесом в телеге (сам В.П. предпочитает метафору «грубо сколоченной табуретки») политической концептологии, но, как я надеюсь показать в данной статье, прямо противоречащим как методологическим установкам этой дисциплины, так и личностным качествам её автора.

относит себя исследователь и частью которой себя считает. Именно этим было обусловлено пристальное внимание В.П. Макаренко к книге «Компания критиков» Майкла Уолцера¹⁵.

Конечно, с научной точки зрения здесь нарушается ключевой принцип объективности — воспроизводимость полученных результатов исследования. Именно на этой основе развивается наука как социальный институт: однозначная воспроизводимость результатов позволяет их трансляцию в сжатом виде последующим поколениям исследователей в рамках формальной модели «преподаватель-студент». Научить политической концептологии в рамках этой модели невозможно. Можно подготовить историка концептов, но не концептолога в том смысле, который подразумевается в политической концептологии В.П. Макаренко. Этот «дильтеевский» аспект методологии политической концептологии сохраняет в ней некоторые элементы эзотеричности, предполагающие в процессе усвоения полученных результатов средневековые практики послушничества; это содержание невозможно «схватить» и транслировать в рамках формальной модели образования.

Удивляет та лёгкость, с которой В.П. Макаренко вышел за рамки науки. И, если я, семь лет назад столкнувшись с похожей проблемой при изучении философии М.К. Петрова и Г.П. Щедровицкого сквозь призму их биографий, струсил перед возможными обвинениями в необъективности оценок и выводов¹⁶, и оставил почти готовую книгу в столе, то В.П. Макаренко не остановился перед тем, чтобы просто перешагнуть через рамки научной методологии. Так же как Г.П. Щедровицкий полагал, что он в своей методологии вышел за рамки науки, которые методологу просто тесны, так и версия концептологии, развиваемая В.П. Макаренко, пытается сочетать то, что с научной точки зрения несочетаемо: философскую рефлексию, политическую критику, художественное творчество, дневниковые свидетельства, личный биографический опыт и некоторые элементы научной методологии. Научное знание в политической концептологии выполняет функцию витгенштейновской лестницы — научная методология позволяет (весьма, надо признать, избирательно) генерализировать некоторую совокупность фактов, но не более того. В тот момент, когда политический концептолог приступает к своей специфической работе, научная методология ему уже не нужна, поскольку специфика этой работы состоит в критической рефлексии над ключевыми концептами социального знания (понятого весьма широко и включающего в себя все виды социальных наук, философию, искусство, фольклор и т. д.) в перспективе некоей общности, «мы» в терминологии Б.Г. Капустина. Ницшеанский перспективизм, как один из базовых политико-философских методов, и понятие «мы», как одно из ключевых понятий политической философии, блестяще описаны Б.Г. Капустиным [Капустин 1996–97], влияние которого на своё творчество В.П. Макаренко никогда не отрицал. Этот биографический и методологический контексты позволяют объяснить, почему концептология в версии В.П. Макаренко могла быть только политической, и никакой другой.

Продолжение следует

Капустин Б.Г. 1996–1997. Что такое «политическая философия»? — *Полис. Политические исследования*. — № 6. — С. 83–96; № 1. — С. 145–156; № 2. — С. 148–158.

Макаренко В.П. 2002. *Аналитическая политическая философия*. — М.: Праксис. — 416 с.

Макаренко В.П. 2005. *Политическая концептология: обзор повестки дня*. — М.: Праксис. — 368 с.

¹⁵ Любопытно, что главная мысль этой работы о том, что идеальный критик — это скорее активный, а не «дистанцировавшийся» член общества, не привела В.П. Макаренко к отказу от своего принципа дистанции.

¹⁶ Хотя и нащупал интуитивно очень важный момент методологии В.П. Макаренко: важно не то, какими были на самом деле герои концептологического исследования, важно то, какими они остались для нас.

Макаренко В.П. 2012. Политика ностальгии и фон личного опыта. — *Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований*. — № 3. — С. 6–13.

Макаренко В.П. 2013. Дискуссионные проблемы политической концептологии. — *Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований*. — № 1. — С. 6–21.

Неретина С.С., Огурцов А.П. 2009. Концепты политического сознания. — *Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований*. — № 1. — С. 17–78.

Пинский А.А. 1997. Воспоминания о Щедровицком. — Пинский А.А. *Пайдейя: работы 1986–96 годов*. — М.: Частная школа. — 368 с. — Доступно: http://www.fondgp.ru/lib/collections/archive/front_fold/gp/pinsky. — Проверено: 15.12.2014.

Руднев В.П. 1999а. Божественный Людвиг. — *Логос*. — № 1(11). — С. 84–98.

Руднев В.П. 1999б. Предисловие к публикации «Логико-философского трактата». — *Логос*. — № 1(11). — С. 99–100.